

Моим родителям,
которые поддерживали меня
на этом нелегком пути

КРОКУСЫ И ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ

ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ ДЕКАБРЯ

ВЕРИС

Утро нового дня, последнего перед праздником Йоль. Я просыпаюсь и поднимаю голову с подушки, набитой самыми мягкими перьями. Все, что я сейчас слышу, — тишина. Ничего удивительного в этом нет, потому что обычно рано утром до моей комнаты в высокой башне лишь изредка доносятся шорохи ивы. И все же тишина сегодня несколько иная, не как в другие дни. Впрочем, возможно, мне это только кажется. В конце концов, сегодня моя жизнь изменится навсегда.

Откидываю в сторону шелковое одеяло и надеваю свой утренний халат нежно-зеленого цвета, расшитый золотыми нитями. Наша придворная портниха постаралась на славу. В королевстве Аурум эти цвета символизируют плодородие и процветание. Я очень люблю их, и в то же время они мне уже порядком надоели. Завязываю халат и выглядываю из открытого окна. Мама и горничная были бы вне себя при виде этого... Даже не знаю, кто из них кричал бы громче. Я просто не хочу, чтобы стены ограничивали мне видимость, поэтому снова выглядываю.

Хотя утреннее солнце светит так ярко, что можно подумать, будто уже настала весна, в лицо мне дует прохладный ветерок, и на мгновение я закрываю глаза. Но даже с закрытыми глазами я все еще вижу картину, простирившуюся

передо мной секунду назад. Развешающиеся знамена с золотым жаворонком — символом нашего Аурума, террасы из песчаника, остроконечные двускатные крыши и внутренние дворики, где растут крокусы. Там я часто играла, когда была маленькой. Вдоль крепостной стены и горы, на которой возвышается крепость Золотая вышка, жмутся друг к другу маленькие фахверковые домики со старыми кирпичными крышами и балкончиками, украшенными ящиками с цветами. Дома стоят так близко, что трудно различить отдельные здания. Раньше мне очень хотелось иметь возможность свободно гулять по этим переулочкам — сегодня я отдала бы все, чтобы только каждый день видеть родной город из окна своей башни.

Дверь комнаты чуть скрипит, и я тут же отскакиваю от окна. Рука автоматически тянется к рукоятке кинжала, висящего у меня на бедре. Безопасность превыше всего — этому девочек в нашем королевстве учат с самого детства.

Вошла моя горничная Изобелла.

— Уже пора, принцесса Верис.

Обычно она не говорит со мной так официально. Обычно она распускает свои русые локоны, хотя девушки обязаны носить головной убор. И до сих пор одного моего разрешения было достаточно, чтобы гофмейстерина не наказала ее за вольность. Но сегодня, следуя правилам, она надела светло-зеленую косынку, как все наши служанки.

— Платье готово? — спрашиваю я, и голос предательски дрожит.

Появляется младшая горничная и кладет на мою кровать огромный сверток. Изобелла тут же подает ей знак уйти и подталкивает меня к туалетному столику, после чего быстро и ловко заплетает мне косу. Я смотрю на нее в зеркало и тщетно пытаюсь найти на ее лице привычную широкую улыбку, которая ярче сияния весеннего солнца. Возможно, я тоже буду так же широко улыбаться, когда выполню свое предназначение. Возможно, так. Если только останусь жива после испытания. Но нет, едва ли это случится. Вот почему так дрожит сейчас мой голос, а Изобелла сегодня не улыбается.

Ибо наше королевство вечной весны заключило соглашение с предводителем соседнего народа зимних фейри. Каждый год за день до Йоля мы приносим принцу зимы жертву — самую красивую девушку Аурума, которой только-только исполнилось двадцать лет. Если же мы нарушим договор, принц вторгнется в наши земли и поработит наш народ.

Мы уже знаем, насколько это может быть опасно для Аурума. Между нашими мирами пролегает волшебный барьер, и ничто не может к нам проникнуть: ни человек, ни фейри, ни животное. Но есть одно исключение — ледяные осколки, которые замораживают сердца, из-за чего человек начинает видеть только плохое. Даже в прекрасном королевстве весны глаза будут на каждом углу видеть только зло и ненависть.

Но вот выход, кажется, нашелся. Поцелуй Дафны. Ядовитый, как пурпурно-красный волчегодник, который растет у нас в Ауруме. Волчегодник также называют Дафной, в честь нимфы, которая, спасаясь от преследования Аполлона, превратилась в ядовитое растение. Этот ядовитый поцелуй — наш единственный шанс против принца зимы. Каждые десять лет в нашем королевстве рождается Проклятая. Любой, кто поцелует ее в губы, тут же умрет. Поэтому, едва ей исполняется двадцать лет, мы отправляем ее принцу зимы под видом нашей первой красавицы. К тому моменту от поцелуя каждой избранной уже кто-то погиб — первый, кто коснулся ее отравленных губ, — и все мы верим, что освободить нас может только она. Всего один поцелуй, большего не нужно — и мы свободны. Звучит все довольно просто. Только вот как подобраться к принцу настолько близко, чтобы поцеловать его? Всех девушек в Ауруме специально обучают искусству ближнего боя, чтобы у них имелся запасной вариант убийства принца: если не поцелуй, то верный кинжал. А если повезет, сразу оба средства. Только вот еще ни одна девушка не вернулась с победой. Ни одна не вернулась домой. Ни Проклятые, обладающие смертоносной магией, ни простые девушки, пытавшиеся одолеть противника кинжалом.

Вдруг что-то колет в затылок, и боль возвращает меня в реальность, отвлекая на миг от мрачных мыслей.

— Прости, пожалуйста, Верис, — Изобелла говорит жестче обычного. В руке у нее заколка, украшенная сухими мальвами. Ее пальцы мелко дрожат, как и мой голос до этого.

Осторожно касаюсь ее руки.

— Все в порядке.

Даже не взглянув на меня, она убирает последние пряди и завершает мою прическу, завязав волосы в узел. Как же часто мне хотелось взять ножницы и обрезать свои волосы. Нет, нельзя. Мои длинные толстые косы — одно из моих преимуществ, ведь они должны сделать меня желанной. К этому я готовилась всю жизнь: стать подарком для принца зимы, который — как уже все прекрасно знают — убьет меня, едва я переступлю границу его государства, и потом скормит мое мертвое тело своим собакам. Как бы хорошо я ни была натренирована, как бы привлекательно ни выглядела, смерть все равно неизбежна.

Изобелла открывает сверток, в котором лежит мое платье, а затем помогает мне одеться в наряд из органзы и шифона, расшитый мальвами и украшенный жемчугом. Самый неподходящий выбор для поездки в зимнее королевство, зато в самый раз для жертвоприношения принцу.

* * *

В полдень мы покидаем Золотую вышку в богато украшенной открытой карете. Меня сопровождают Изобелла и мои родители, правители весеннего королевства. Двое солдат едут впереди и позади нашей кареты, запряженной лошадьми моего отца. Их гривы завиты так же искусно, как и мои волосы. Когда выезжаем из ворот замка, мама сжимает мою руку. Я на миг задерживаю дыхание и не сразу решаюсь жать ее руку в ответ. Сейчас она отправляет меня на верную смерть и никак не может этому помешать. Но это единственно верный выбор для Аурума. И я понимаю, поэтому на одно короткое мгновение сжимаю ее руку,

а потом так же быстро отпускаю. Мое внимание привлекают восторженные крики толпы. Страх я не показываю, потому что должна быть примером для моего народа.

— Благословенна будь наша спасительница! — кричат нам люди с улиц и маленьких балкончиков, кидая вслед крокусы. Пока карета летит по узеньким улочкам города, перед моими глазами проплывает целое море желтых цветов. На крутых поворотах я с трудом удерживаюсь, чтобы не соскользнуть со своего сиденья. Глубоко вдыхаю. Пахнет свежей выпечкой, сеном и лошадьми. Пахнет родиной. Этот сладковатый, нежный, цветочный аромат, которым я наслаждаюсь последний раз в жизни и очень хочу сберечь его в памяти. Уголкам глаз вдруг становится горячо, и некоторое время я, не мигая, смотрю перед собой. Но затем заставляю себя принять беспечный вид, улыбаюсь и слабо машу рукой. Народ любит мою улыбку.

Мама не может сдержать слез, но в такой момент ее никто не посмеет за это осудить. Слеза медленно катится по ее румяной щеке мимо полных губ. Все говорят, что мы с мамой похожи, хотя мой отец тоже очень хорош собой. При других обстоятельствах я бы порадовалась и сочла это за комплимент, но моя красота вовсе не благословение, а проклятье. Удивительно, что маму в двадцать лет не отправили в зимнее королевство. Но мои дедушка и бабушка, которые тогда еще правили, вместе с членами совета: дворянами, торговцами, а также представителями крестьянского сословия и ремесленников — приняли решение не посылать туда первую красавицу. В тот год к принцу поехала Проклятая с отравленными губами.

— Да здравствует наша спасительница! — слышу я в последний раз. Мы минуем городские ворота, и теперь крики народа уже почти не слышны.

— Ехать будем до самого заката солнца, — вдруг объявляет отец, хотя мы все и так это знаем. Его лицо перекошено гневом, никогда прежде я не видела его таким свирепым. Сколько он уже пребывает в такой ярости? С тех пор, как семь лун назад на совете было объявлено, что следующей жертвой стану я?

Беру за руки Изобеллу. Сейчас, когда на меня не смотрит никто из посторонних, я могу позволить себе минутную слабость. Мы едем мимо широких пшеничных полей, через Солнечный лес, вдоль крокусовых полей и крестьянских двориков. После нескольких часов езды мы останавливаемся на одном из самых крупных крестьянских дворов, чтобы заночевать здесь. Хозяйева вежливы и приветливы, но немногословны. Они угощают нас теплым козьим молоком, свежими лепешками и сладким ревеневым компотом. Заставляю себя выпить совсем чуть-чуть, хотя внутри все тут же становится липким. Но надеюсь, сахар придаст мне сил для завтрашнего дня.

ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ ДЕКАБРЯ

Просыпаюсь от лязга металла. Кто-то с кем-то сражается. Моя рука тут же тянется к кинжалу, но Изобелла и один из рыцарей нашей гвардии уже готовы меня защитить, закрывая от плохо различимых в темноте силуэтов. Успеваю заметить, как крестьянин, с обезумевшими глазами и хриплыми ругательствами, набрасывается на второго рыцаря, пока его жена пытается вырваться из хватки кучера.

— Что происходит? — практически выдыхаю я, в один момент окончательно проснувшись.

— Ледяной осколок. Мы точно не знаем, ранило ли их только сейчас или они уже были под его воздействием, когда мы приехали. Возможно, они специально дожидались ночи, чтобы разделаться с нами, — сухо отвечает Изобелла. Она говорит тихо, так, чтобы мои родители не слышали. Они всегда пытаются скрыть от меня страшную правду, не хотят, чтобы я видела людей, которых поразило осколками. Но Изобелла была и остается со мной честна во всех вопросах.

Крестьянке все же удастся вырваться, и она бросается ко мне, жадно глядя на мое платье, расшитое мальвами. Она готова убить меня. Убить за платье. Сердце едва не выпрыгивает из груди, но прежде, чем я успеваю отскочить в сторону, на помощь приходит рыцарь. Затем оба наших

стражника и кучер связывают крестьян и уводят. Их нельзя исцелить, потому что осколки застряли очень глубоко в их сердцах. Конечно, они не виноваты во всей этой брани, ненависти и жадности, но Ауруму не остается ничего другого, кроме как запереть их и держать под замком, чтобы не пострадали остальные. И сейчас я отправляюсь в зимнее королевство в том числе и ради них, чтобы положить всему этому конец.

Никому уже не до сна. Изабелла поправляет мои волосы и пытается разглядеть помявшееся платье. Мы снова закладываем карету и молча едем, пока, наконец, не наступает рассвет. Отец выбрал лучших лошадей, но чем ближе граница королевств, тем медленнее они движутся. Будто чувствуют, что нас ожидает. Мы въезжаем на поросший травой холм, за которым простирается холодный, ледяной пейзаж, а в отдалении тянутся лысые, островерхие горы, которые я не раз видела из окна башни Золотая вышка. Все совсем другое, такое непохожее на пейзажи нашего королевства. Я едва могу дышать от волнения. Карета останавливается, и в лицо бьет звеняще-холодный воздух, витающий в зимнем королевстве. Поразительный все-таки контраст между этой заснеженной пустошью перед нами и темными горами вдали, которые словно подпирают небесный свод. А перед этими горами лежит еловый лес, который мне предстоит пересечь. В одиночку.

Многие люди пытались использовать древнюю магию, чтобы удержать границу открытой, но безуспешно. Поэтому, как только я ступлю на территорию зимнего королевства, назад дороги уже не будет. Судорожно сглатываю. Но если ждать дольше, потом станет только сложнее собраться. Глубоко вдыхаю и поднимаюсь со своего места. Рыцари, отвлекшись, не отрывают взгляда от границы наших королевств, с одной стороны которой мягкая трава, а с другой — нетронутый снег. Я не прошу, чтобы они помогли мне спуститься со ступенек, и самостоятельно прыгиваю на землю. Изабелла поспешно следует за мной, держа в руках теплую и плотную шубу. Это единственная шуба на все весеннее королевство, так как ее сшили специально для

меня. Пока я надеваю ее, Изабелла протягивает мне маленький кожаный мешочек, который она заранее собрала для меня. В нем фляжка чистой родниковой воды, две тонкие лепешки и еще одна бутылочка с темно-коричневой жидкостью. Это яд, для того случая, если я вдруг окажусь в безвыходной ситуации и... Нет, не хочу об этом думать. Я трясую головой.

Мама поправляет шубу на моих плечах, и теперь по ее щекам катятся слезы, как и у меня. Она берет мое лицо в свои ладони.

— Что бы ни произошло, мы бесконечно тобой гордимся.

Отец кладет руку мне на плечо.

— Ты самая бесстрашная девочка в королевстве.

Я не отвечаю. Только быстро обнимаю их обоих, а затем Изабеллу. Больше мы никогда не увидимся. Гоню прочь грустные мысли и решительно вытираю глаза.

— Я вас не подведу, — тихо говорю я, хотя точно знаю, что через двенадцать лун все повторится и в королевство зимы отправят очередную девушку. И кто знает, может, ей повезет больше.

Потому что я не могу убивать поцелуем, как бы ни пыталась себе это внушать в последнее время. Я всего лишь принцесса, готовая умереть. Умереть, по сути, ни за что.

* * *

Медленно продвигаюсь вперед сквозь снег, тщетно заслоняясь от ветра. Я давно знала, что никто не может переступить границу, только жертва и только в праздник Йоль. Поэтому морально готовилась к тому, что идти через лес мне придется одной. Только вот даже не представляла, каково это — пробираться в мороз по глубокому снегу на протяжении нескольких часов, то и дело проваливаясь в сугробы чуть ли не по пояс, так, что весь подол платья теперь насквозь мокрый. Зубы стучат от холода, а пальцев на ногах я уже почти не чувствую.

Все болит. И мне очень страшно. Внутренний голос кричит: «Беги домой! Развернись и беги, пока еще не позд-

но!» Надо было сбежать сразу же, как только меня выбрали жертвой.

Наконец я достигаю елового леса, одного из немногих этапов пути, о которых известно людям, и вскоре замечаю тропинку. Я надеялась, что ели хотя бы немного защитят меня от холода, но ветер продувает и их вечнозеленую хвою. Не знаю, чего ждать дальше. Меня кто-то заберет? И где замок самого принца? За лесом, на той стороне горы? Если честно, никогда не думала, что проживу так долго, поэтому даже не задумывалась об этом. Что ж, пока мне, похоже, ничего другого не остается, кроме как потихоньку идти вперед по этой тропе, борясь со встречным ледяным ветром и низко висящими ветвями. Икры просто горят, дыхание перехватывает, а глаза слезятся. Как же холодно... Как больно... И я совсем одна...

Уверена, что на кончике носа у меня уже висят сосульки. Возможно, что и уши я себе отморозила, потому совсем не чувствую их, даже когда трогаю их пальцами в толстых перчатках. Вот будет принцу подарочек! Просто счастье, если он сможет отличить меня от жутких лохматых существ, обитающих в его королевстве.

Тут я спотыкаюсь о толстую ветку, которую вообще-то должна была заметить, и падаю в снег. Мой крик разносится по лесу, и только теперь до меня доходит, как неестественно тихо здесь. Хруст снега под моим телом и собственные всхлипывания — единственное, что нарушает тишину. Минута. Час. Все во мне либо ооченело, либо безумно болит. Я не могу идти дальше. Не могу. И чем дольше я так лежу, закрыв лицо руками, тем тяжелее.

Поднимаю голову. Нет, так быть не должно. Я не могу умереть, даже не добравшись до замка. Какой позор для моей семьи, для моего народа! Недопустимо. Поэтому со стоном переворачиваюсь на четвереньки и заставляю себя встать.

Сквозь сумерки иду дальше. Сколько часов это уже продолжается? Разве мне не пора быть на месте? Но я до сих пор не вижу замка, так что, еле передвигая ноги, тащусь дальше. И дальше. И дальше. И дальше. Пока не теряюсь